

**«РАСКРЕПОЩЕНИЕ НАЦИОНАЛКИ» –
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН
ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ
(на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы)**

Ю.В. Градскова

Статья посвящена социальной и культурной политике в отношении женщин, относившихся до революции к категории инородческого населения и нередко определяемых как «националки» или «труженицы Востока» в ранних советских документах. Целью статьи является выяснение особенностей, проблем и противоречий советской социально-культурной работы среди женщин Волго-Уральского региона. Исследование опирается на критику «ориентализма» Э. Саида и теорию власти-знания М. Фуко.

Ключевые слова: советская история, женщины этнических меньшинств, социальная политика, ориентализм, постколониализм

«Комиссия по труду и быту, организуемая при областном исполнительном комитете, является подсобным органом партии и Советской власти, помогающим преодолеть особую отсталость в культурном, экономическом отношении и для борьбы с бытовыми преступлениями. На членов Комиссии возлагается большая ответственная задача продвигать работу по раскрепощению женщины, внедрять эту работу в повседневную жизнь Советов, тем самым привлекать трудящихся женщин отсталых народностей в строительство социализма... Комиссия охватывает своей работой нацменок из наиболее отсталых в культурном и экономическом отношении народностей, как мордва, чувашаи, татары, башкиры, казахи и т. д.»
(Из документов работы Комиссии Средне-Волжской области, 1928¹)

Как известно, правительство большевиков провозгласило необходимость уравнивания женщины в правах с мужчиной и призвало к актив-

¹ ГАРФ 6983, 1, 40. С. 14.

ному включению женщин в процесс социалистического строительства. Одним из наибольших препятствий на пути строительства социализма считался недостаток образования и навыков работы на современном (для того периода) производстве у значительной части населения, прежде всего, у женщин. Кроме того, по мнению большевистского правительства, социалистическая модернизация России в значительной степени осложнялась недостатком медицинских и образовательных учреждений, что в целом нередко определялось термином «некультурность» [Kelly, 2001. С. 230–320]. Женщинам, в связи с их более низким уровнем грамотности и вовлеченности в работу вне дома, предписывался более низкий уровень культуры или большая «отсталость». Однако женщины бывших российских окраин представлялись большевикам в качестве той группы населения, которая была наиболее «отсталой» и нуждалась в общем руководстве и помощи – именно эти женщины подвергались наибольшему угнетению (как в этническом, так и в гендерном отношении), в то время как уровень их образования и культуры был представлен как особенно низкий.

Проблемы культурной революции в национальных районах исследованы в значительном количестве монографий и диссертаций. Большинство авторов отмечают трудности в преодолении неграмотности и преобразовании быта [Чуфаров, 1970; Александров и Мочалов, 1980; Красовицкая, 1992; Загребин, 1994; Воронцова, 2003; Султангузина, 2008], в публикациях последних лет также нередко уделяется внимание репрессивным мерам против местного духовенства и интеллигенции в процессе культурной революции [Андреянов, 1993. С. 121–129; Сушенцева, 1993. С. 129–136; Сулейманова, 2000]. Однако большинство публикаций не выделяет женщин – представительниц этнических меньшинств в качестве особой группы, в отношении которой разрабатывались специальные политические и социальные программы.

Статья посвящена социальной и культурной политике в отношении женщин, относившихся до революции к категории инородческого населения. Целью статьи является анализ документов второй половины 1920-х годов для выяснения особенностей, проблем и противоречий социально-культурной работы среди таких женщин. Преимущественно я обращаюсь к материалам, связанным с работой по просвещению татарских, башкирских и марийских женщин, но также и представительниц других народов Волго-Уральского региона, которые в тот период времени нередко описывались в качестве составной части женщин «националок» или «тружениц Востока».

В своем исследовании я опираюсь на работы Эдварда Саида и Мишеля Фуко. В знаменитой работе «Ориентализм» Саид показал, каким образом «Восток» был создан политической и социальной мыслью Западной Европы. Саид называет этот процесс процессом ориентализации

[Said, 1979. С. 6–7] и показывает связь между ориентализацией и колониализмом. Хотя Саид практически не рассматривает российскую научную и общественную мысль в отношении «Востока», можно предположить, что теории центра по отношению к территории, расположенной к Востоку от Центральной России, также могли иметь сходные предпосылки и последствия. Поэтому представляет интерес проанализировать большевистские идеи и практики освобождения женщины с точки зрения их разрушения / содействия ориентализации «Востока». Кроме того, я использую теорию Фуко о власти-знании, в соответствии с которой властный дискурс общества Модерна неотделим от знания, определяет его формы и направления [Foucault, 1995. С. 28]. Так как Россия должна была стать не только социалистической страной, но и превратиться «из отсталой в передовую» путем «переделки» своих граждан – роль власти-знания в просвещении женщин представляется важной для изучения.

Статья основана на материалах Комиссии по улучшению положения женщин, сохранившихся в архиве (ГАРФ), а также на материалах просветительских брошюр, изданных для работы среди женщин Востока (Ил. 1).

Система организаций и учреждений, целью которых была работа среди женщин, в 1920-е годы была довольно разветвленной. Помимо специального отдела ЦК большевистской партии для работы среди женщин (Женотдела) и связанных с ним делегатских собраний на местах, она включала также специальное подразделение министерства здравоохранения – Отдел охраны материнства и младенчества, а также Комиссию по улучшению труда и быта женщин, созданную из представителей различных министерств и организаций (включая Женотдел, министерство здравоохранения, образования, земледелия и др.) в 1926 году при ВЦИК. Что касается работы среди женщин бывших окраин России, то такая работа проводилась в различной степени всеми организациями, но наиболее значительная работа в 1920-е годы осуществлялась именно Комиссией ВЦИК по улучшению труда и быта женщин. В документах комиссии, сохранившихся в архивах, она чаще всего прямо называется Комиссией по улучшению труда и быта женщин «культурно-отсталых народностей» или «женщин Востока». Кроме того, в 1920-е годы было проведено четыре совещания по работе среди трудящихся женщин Востока [Материалы... 1925; Труд... 1928] и было опубликовано значительное количество материалов по работе с женщинами Востока (как в центральных периодических изданиях – «Коммунистка», «Делегатка», «Вопросы охраны материнства и младенчества», «Работница», так и в региональных женских журналах и в виде отдельных брошюр). Различные организации нередко дублировали друг друга, в то время как координация между ними была в значительной степени затруднена, а финансирование недостаточно.

Ил. 1. Обложки просветительских брошюр, изданных для работы среди женщин Востока в 1920-е годы.

«Нацменка» как объект культурной работы

Задачи советской работы с женщинами национальных меньшинств включали в себя множество направлений – от преодоления неграмотности до политического просвещения, от помощи матерям и детям до формирования новых рабочих кадров, от защиты равноправия до привлечения женщин в члены партии. Хотя объект работы определялся, в том числе, и по классовому признаку – «трудящиеся женщины Востока», выделение «националок» как «особых» (Других) женщин оставляло значительное место для их ориентализации.

Образ женщины Востока в публикациях, посвященных женскому освобождению, перегружен элементами экзотизации и постоянными упоминаниями о ее «отсталости»: «попадая в татарскую деревню, вы тотчас же чувствуете особенный восточный колорит, отличающий ее от русских селений» [Штейнберг, 1928. С. 16] «малокультурная чувашская женщина крестьянка» [Михайлов, 1928. С. 35], «ужасные гигиенические условия, которые так губительно отражались на организме татарской женщины» [Штейнберг, 1928. С. 22], «темная башкирка» [Стина, 1928. С. 34]. «Угнетение женщины» при этом является важным элементом негативного собирательного образа «восточников»: «учить женщину не в интересах бытового и хозяйственного уклада восточника»¹. Интересно, что наряду с такими обобщающими формулировками документы практической работы комиссии изредка включают и более дифференцированные оценки состояния культуры. Так, обзор, подготовленный к IV совещанию работников среди женщин Востока 15 ноября 1928 года, начинается с устойчивых характеристик женщины Востока как «наиболее отсталой, закрепощенной, некультурной и почти неграмотной»², далее, с опорой на данные переписи 1926 года, в отчете признавалось, что большинство народов Волго-Уральского региона – татары, башкиры, чуваша, мордва, удмурты наряду с армянами – могут рассматриваться как «народности более или менее культурные». Это утверждение было сделано со ссылкой на статистические данные – 11 % женщин были грамотными. Затем следовало, однако, утверждение, что они, тем не менее, «сильно уступают культурным народностям СССР», к которым авторы документа отнесли русских, евреев, украинцев и грузин (грамотность женского населения не ниже 33–40 %) ³. Опираясь на теорию о власти-знании Фуко, важно отметить то, что использование «научного» статистического знания для составления классификации

¹ ГАРФ 6983, 1, 23. С. 52.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 48.

народов в качестве «культурных / некультурных» должно было придавать особый вес этим классификациям и как бы легитимировать колониальные оттенки дискурса и возможные дискриминационные практики культурализации, с одной стороны.

С другой стороны, образцы «нового быта» – практик, легитимируемых с помощью отсылок к передовому знанию, – были представлены как унифицированная и готовая модель прогресса. Эта модель должна была заменить разнообразие местных традиций и практик в отношении одежды, ухода за телом, воспитания детей, питания. С этой точки зрения интересна обеспокоенность комиссии по улучшению труда и быта женщин в Башкортостане в связи с недостаточным употреблением башкирками овощей в пищу и не гигиеничностью традиционной одежды:

Для насаждения и развития огородничества были организованы краткосрочные курсы среди националок, так как многие башкирки совсем не знают, что такое овощи, как их разводить и как употреблять, то включили в программу вопросы домоводства. При курсах были оборудованы показательный огород и общее питание для курсанток, где попутно преподавалась кулинария¹.
Необходимо башкирку научить шить себе костюм такой, какой лучше и гигиеничней².

Само раскрепощение женщины мыслится, прежде всего, в терминах воспитания, где роль женщины, представительницы национальных меньшинств, сводится чаще всего к пассивной роли «усваивания» знаний:

Нужно усиление агитационно-воспитательной работы помимо той, которая непрерывно ведется, чтобы приучить ее к этому (имеется в виду, приучить чувашскую женщину обращаться за медицинской помощью. – Ю. Г.) [Михайлов, 1928. С. 35].

Женщины-«нацменки» критикуются также за непроизводительную трату времени и здоровья:

До сих пор марийки очень много непроизводительно тратят времени на изготовление холста, затем на вышивание ручным способом (без канвы) по холсту. Тратится очень много времени и еще больше тратится зрения³.

Несмотря на то, что пропагандистские материалы пронизаны сочувствием к «тяготам и страданиям» «националки», некоторые документы

---

² ГАРФ 6983, 1, 15. С. 3–8.

³ Там же. С. 3–8.

¹ ГАРФ 6983, 1, 41. С. 7–9.

и публикации, тем не менее, апеллируют непосредственно к государственным интересам. Так, например, отчет по работе среди женщин Средне-Волжской области (центр – Самара) использует евгенические (качество населения) и оборонно-стратегические аргументы для доказательства необходимости просвещения женщин:

В итоге некультурных, антисанитарных жилищных условий, отсутствия медицинской помощи, плохого питания нацменское население дает хилое нездоровое поколение несомненно идущее к вырождению, что характеризуется следующими цифрами: по призыву в Красную Армию в 1927/28 году найдено годных среди: русских – 40 %, мордвы – 24 %, чуваш – 7 %, украинцев – 45 %¹.

Таким образом, можно сказать, что советская политика «раскрепощения женщины» национальных меньшинств, несмотря на провозглашение «революционных преобразований», во многом сохранила традиционные цивилизаторские императивы, присущие колониальной политике Российской Империи, а также представление о Востоке как особом и целостном пространстве.

«Мероприятия Соввласти по раскрепощению восточной женщины» – проблемы и противоречия

Как уже говорилось, социальная и культурная работа среди женщин национальных меньшинств – «мероприятия Соввласти по раскрепощению восточной женщины» [Материалы... 1925. С. 1] – была организована различными ведомствами и организациями, поэтому с трудом поддается обобщению. Далее я остановлюсь на некоторых примерах такой работы и покажу то, как эти примеры были представлены в отчетах региональных комиссий по улучшению труда и быта женщин.

Одним из ярких примеров работы является описание деятельности созданного в 1927 году в Уфе Дома труженицы-башкирки. В отчете комиссии по улучшению труда и быта женщин Башкирской республики можно прочесть следующую характеристику работы:

В первый год работы Дом тружениц не ставил себе широких целей, выпустил 34 трикотажных мастериц из кантонов для артелей и 80 девочек городских из кружка кройки и шитья, прослушавших 6-месячные курсы кройки и шитья².

Однако, в дальнейшем это учреждение планировалось превратить в опытно-показательное учреждение по работе среди националок, который будет служить местом экскурсий как для крестьянок, так и об-

² ГАРФ 6983, 1, 40. С. 2.

¹ ГАРФ 6983, 1, 15. С. 3–8.

ществленных учреждений и организаций, как делегатские собрания, посетители Дома крестьянина, школ ¹.

Важным участком работы Дома должно было стать общежитие – приехавшие на курсы представительницы национальных меньшинств не только должны были ознакомиться с размещенными в общежитии уголком матери и ребенка и прослушать курсы домоводства и регулярные политико-просветительные беседы (на русском и татаро-башкирском языках), но и на практике попробовать жить коллективом.

Еще одним важным направлением работы была организация дошкольных учреждений (как постоянных яслей и детских садов, так и временных площадок и яслей в сельской местности на период уборки урожая). Например, результаты этой деятельности по Татарской и Башкирской республикам выглядели следующим образом: во всей Башкирской республике было только три постоянных ясельных учреждения (13 – в Татарской республике), однако отчет свидетельствует о том, что летних яслей было 232 – в Татарской и 70 – в Башкирской республиках. Таким образом, можно сказать то, что в конце 1920-х годов большинство женщин этнических меньшинств в Волго-Уральском регионе продолжали следовать традиционным способам ухода за детьми.

Сходная ситуация была и в отношении родовспоможения: в 1928 году действовало 20 женских консультаций и 20 профессиональных акушерок в Татарстане и, соответственно, 11 и 53 – в Башкортостане ². Однако примечательно то, что этот доклад комиссии отмечает низкую детскую смертность среди татарского населения Татарской республики (16,4 %) по сравнению с более высокой русской (22,5 %) ³. Эти данные ставят под сомнение утверждения глубокой культурной отсталости «восточной женщины» и «восточных народов», которые столь часто приводились в качестве аргумента для модернизации нацменок по рецептам русскоязычного центра ⁴.

Данные отчетов свидетельствуют о том, что развитие образования женщин и девочек находилось в центре внимания работников нескольких ведомств и организаций, но продвигалось довольно медленно. Важнейшими направлениями работы здесь были ликвидация неграмотности

---

² ГАРФ 6983, 1, 15. С. 3–8. См. также выступление Максимовой на Всесоюзном совещании [Труд... 1928. С. 32–33].

³ ГАРФ 6983, 1, 75. С. 16.

⁴ Там же.

¹ Американский исследователь Давид Рэнсел нашел похожую статистику в отношении татарских и славянских женщин на территории Беларуси; по его мнению, более низкая младенческая смертность среди татарского населения, по его мнению, связана именно с традиционными практиками (включая гигиенические) татарского населения [Рэнсел, 2003. С. 74–89].

и расширение школьного образования. В то же время в документах отмечается, что количество девочек в начальных школах остается низким в национальных районах – 35,6 % – в Грузии, Татарстане, Башкортостане, Крыму, Чувашской и Марийской области и 20 % – в Бурятии, Киргизии и Якутии. Столь неутешительные данные о гендерном неравенстве в советском школьном образовании, однако, сопровождаются ссылками на природу «восточника», весь бытовой и хозяйственный уклад жизни которого не предполагает женского образования¹, а не на проблемы в организации советского школьного образования.

Борьба за переустройство быта и раскрепощение женщины включала в себя стремление к соблюдению советского семейного законодательства, включая гендерное равноправие в семье и свободу от домашнего насилия. Однако документы работы комиссий показывают, что попытки участниц советских женских организаций настаивать на соблюдении советского законодательства, не обращая внимания на реальные обстоятельства жизни семей и желания самих женщин, встречали непонимание. Например, участница совещания комиссии Башкортостана в 1928 году озабоченно говорила:

Работники суда мало обращают внимание на борьбу с бытовыми преступлениями, когда у нас в одной Темясовской волости 329 случаев многоженства. Заявляли судье, судья отвечает, что раз эти жены не жалуются, мужей нельзя привлекать к ответственности. За истязание точно также судят слабо, а в большинстве случаев ничего не дают².

Таким образом, на основании документов и публикаций 1920-х годов можно заключить, что сотрудники новых советских организаций предпринимали попытки организации социальной помощи и переустройства быта широких групп женщин Волго-Уральского региона – всех, кто мог быть определен как «трудящиеся женщины Востока». Однако эти попытки не учитывали прошлого опыта колониального подчинения, которым обладали многие народы региона, а также смещали фокус работы с пожеланий и интересов самих женщин на идеологически важную и унифицирующую задачу производства «советской женщины-трудящицы».

Организация социально-культурной работы – между наукой и повседневностью

Несмотря на значительный объем задач, практические планы работы комиссий показывают, что ее финансовые возможности были до-

² ГАРФ 6983, 1, 23. С. 52.

³ ГАРФ 6983, 1, 15. С. 51.

вольно ограничены, что влияло на незначительный объем подготовки новых кадров. Например, если судить по заявке на обслуживание воспитанниц от 1929 года, 4-месячные курсы для ясельных работников в Москве были рассчитаны лишь на 30 человек, а курсы организаторов охраны материнства и младенчества – на 20 человек. Недостаток квалифицированных кадров в этом случае должен был компенсироваться организацией передвижных выставок по охране материнства и младенчества – по одной в каждой из 4-х республик: Бурят-Монголии, Казахстане, Башкортостане и Татарской республике¹. Планы по развитию детских садов для детей национальных меньшинств на 1929 год также довольно скромные:

по одному детскому саду для каждой из национальностей, населяющих данный район и в первую очередь – для особенно отсталых и не имеющих стационарных детских дошкольных учреждений (для чувашей, башкир, калмыков, хакасов и балкарцев)².

Кроме того, даже в случае успеха той или иной инициативы комиссии среди женщин региона, недостаток средств и оборудования, а также рассогласование планов между различными организациями и ведомствами нередко тормозили широкое развитие инициативы:

Указанная мастерская [ткацкая] пользуется громадным спросом со стороны марийского населения всех кантонов. Одной мастерской невозможно скоро обслужить всех и поэтому руководство областного отдела работниц и крестьянок подняло вопрос об организации второй аналогичной ткацкой мастерской по линии Обместхоза³.

Интересным исключением из общего потока жалоб на недостаток денежных средств на работу среди женщин, является отчет комиссии Татарской республики за 1928 год. Наряду с перечислением денежных средств, полученных из центра и из местных бюджетов, отчет сообщает об открытии в Казани кафе, которое не только используется для мероприятий комиссии, но и является источником финансирования ее деятельности – из прибыли⁴.

Помимо недостатка денежных средств, документы свидетельствуют о практическом отсутствии литературы на национальных языках, которая была бы предназначена специально для женщин. Особенно сложное положение было с литературой на башкирском и марийском

---

¹ ГАРФ 6983, 1, 77. С. 4. (1929 год.)

² ГАРФ 6983, 1, 23. С. 114.

³ ГАРФ 6983, 1, 41. С. 7–9.

⁴ ГАРФ 6983, 1, 3. С. 14.

языках¹. Затруднения в работе по раскрепощению женщин этнических меньшинств, в том числе связанные с незнанием местных обычаев и традиций, предполагалось решать с помощью использования научного знания. В данном случае, однако, в первую очередь это оказывались знания, накопленные российской имперской востоковедческой наукой. Вступления к брошюрам о работе среди женщин Востока написаны, чаще всего, именно в таком традиционном ключе [См.: Стина, 1928 и Штейнберг, 1928]. Кроме того, углубление работы «на Востоке» требовало тесного сотрудничества с теми, чьей основной профессией было изучение «Востока». Именно поэтому в отчетах комиссии, например, можно найти упоминание о сообщении Ассоциации Востоковедов о работе, проводимой ею «по изучению быта женщин восточных народностей»² и планируемых совместных проектах, привлекая «лучшие востоковедческие силы нашего Союза»³.

Однако анализ документов показывает, что помимо финансовых и кадровых проблем, а также нехватки литературы и знаний, работа по «раскрепощению националок» осложнялась также в результате недостаточного внимания к ней со стороны партийных и советских работников. С этой точки зрения, особенно интересно взглянуть на два личных письма, скорее всего, случайно сохранившихся в архиве. Эти письма написаны от руки (к сожалению, полностью их прочитать не удалось) молодыми женщинами, ответственными за организацию работы комиссии в Татарстане и Марийской области. Товарищ Максимова из Марийской области, в своем письме к одному из секретарей центральной комиссии по улучшению труда и быта женщин, т. Аквисис, жалуется:

Что-то мало слышно теперь о развитии комиссии, от вас ничего нет. Напиши, пожалуйста, будут хоть какие средства нам даны из Центральной комиссии. Нам дали контрольную цифру 65 тыс., но ни в одном кантоне не приняли ни копейки в смету, даже на те учреждения, что существовали в текущем году, как семейные консультации (хоть уже здесь ошибка исправлена)⁴.

В свою очередь, ответственная за работу комиссии в Татарстане, комсомолка Файзуллина, писала той же Аквисис: «Тов. Аквисис, ты пожалуйста, посодействуй нам получить бюджет на летние ясли». Далее в том же письме она довольно откровенно писала:

У нас в комиссии дела потихоньку идут, именно потихоньку, так как очень трудно раскручиваются все члены президиума и пленума

² ГАРФ 6983, 1, 41. С. 7–9; ГАРФ 6983, 1, 15. С. 3–8.

³ ГАРФ 6983, 1, 17. С. 11.

⁴ ГАРФ 6983, 1, 33. С. 1–2.

¹ Из рукописного письма Максимовой от 14.09.1928 [ГАРФ 6983, 1, 15. С. 27].

комиссии. Вопрос с председателем комиссии также твердо не выяснен, президиум ТатЦика выделил было председателем наркома здравоохранения, но он отказывается. Так что у меня иногда возникает серьезная мысль бежать отсюда, при таком отношении к комиссии трудно что-нибудь сделать ¹.

Выводы

В рассматриваемый период времени работа среди женщин, которая обычно представлялась в пропагандистских публикациях как массовая, не планировалась в качестве деятельности, охватывающей все население той или иной этнической группы. Работа по «раскрепощению националок» в 1920-е годы осуществлялась в основном с помощью тех или иных показательных учреждений, которые должны были стать прообразами будущих массовых учреждений и организаций. Такими показательными учреждениями могли стать летние ясли, передвижные выставки, женские артели или дома труженицы. Отдельные элементы «раскрепощения женщины» (как например, обучение работе на новых ткацких станках) оказывались весьма успешными. Однако, в целом, работа по преобразованию быта и повышению культурного уровня женщин базировалась на схемах и подходах традиционного ориентализма – то есть рассматривала население региона как экзотическое и в то же время – отсталое, нецивилизованное и нуждающееся в руководстве из центра. Можно предположить, что такие попытки «освобождения женщин» были негативно восприняты значительной частью бывшего инородческого населения, хорошо знакомого с имперской русификаторской политикой. Кроме того, документы, сохранившиеся в архиве, свидетельствуют о недостатке внимания к работе среди женщин национальных меньшинств со стороны советского партийно-государственного аппарата. Особенно острой проблемой практической работы стал недостаток средств и кадров.

Как известно, в 1930-е годы начинается новый период советской истории – период насильственной коллективизации и индустриализации, период когда оба социальных вопроса, которые были затронуты в данной статье, – как женский, так и национальный, – были объявлены решенными. Тем не менее представляется, что советская политика раскрепощения женщин в 1920-е годы заслуживает внимания и дальнейшего изучения, так как многие проблемы, ставшие очевидными в период ее осуществления, сохранили свое значение для гендерной и этнической политики более позднего периода.

---

² Из рукописного письма Файзуллиной от 5.10.1929 [ГАРФ 6983, 1, 3. С. 6–9].

Список сокращений

ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации

Фонд 6983 – Комитет по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

Список литературы

Александров Н. А., Мочалов С. Г. Развитие здравоохранения в Марийской АССР. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1980.

Андреянов А. А. Марийский педагогический рабочий факультет: страницы истории // Из истории развития народного образования в среднем Поволжье. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1993. С. 121–129.

Воронцова Ю. С. Гуманитарная интеллигенция Башкирской АССР (формирование и социальная значимость, 1929–1941): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2003.

Загребин С. С. Метаморфозы культуры: культурное строительство на Южном Урале. 1929–1941. Челябинск: Б. и., 1994.

Красовицкая Т. Ю. Проблемы государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР, 1917–1925: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992.

Материалы 3-го всесоюзного совещания работников среди женщин Востока. М., 1925.

Михайлов А. И. Чувашка. М.: Институт охраны материнства и младенчества, 1928.

Рэнсель Д. Культура деторождения у белорусских, еврейских и татарских женщин на территории Беларуси конца XIX – начала XX века // Женщина на краю Европы; ред. Е. Гапова. Минск: ЕГУ, 2003. С. 74–89.

Стина И. Башкирка. М.: Институт охраны материнства и младенчества, 1928.

Сулейманова Л. Ш. Национальные учебные заведения в Башкортостане в первое сорокалетие XX века. Уфа: Башкирский государственный университет, 2000.

Султангужина Г. Ю. Охрана материнства и младенчества в Башкирии в 1920–1930 // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 1. С. 123–125.

Сушенцева В. Г. Некоторые черты социального облика интеллигенции Марийской АССР // Из истории развития народного образования в среднем Поволжье. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 1993. С. 129–136.

Труд и быт женщины Востока. Материалы всесоюзного совещания Комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока. М.: Издание ЦИК Союза ССР, 1928.

Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции, 1920–1937. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1970.

Штейнберг Е. Л. Татарка. М.: Институт охраны материнства и младенчества, 1928.

Foucault M. Discipline and Punish: the Birth of the Prison. N. Y.: Vintage, 1995.

Kelly C. Refining Russia. Advice Literature, Polite Culture and Gender from Catherine to Eltsin. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Said E. Orientalism. N. Y.: Vintage Books, 1979.

Юлия Владимировна Градскова,
PhD in History, исследователь Центра Балтийских
и Восточно-Европейских исследований университета Södertörn, Швеция
электронный адрес: ioulia.gradskova@sh.se
